

УДК 902.24

С.С. Тихонов

ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВЫЯВЛЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ КОНТАКТНЫХ ЗОН НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Поставлен вопрос о возможности и алгоритме изучения контактных зон населения Западной Сибири в древности и средневековье. Автор считает, что они могут быть исследованы в ходе комплексных археолого-этнографических работ. При этом предполагается использовать как полевые материалы, так и собрания государственных, ведомственных, вузовских музеев Западной Сибири. Первым шагом будет выявление контактных зон по данным письменных источников XVII–XVIII вв., которые будут соотнесены с данными этнографии XIX и XX вв. Признаки контактных зон, рассмотренных по этим данным, предполагается экстраполировать на соответствующим образом изученные материалы археологии. Ключевые слова: археолого-этнографические исследования, контактные зоны, археологические и этнографические коллекции, музеи Западной Сибири, картографирование.

В данной работе рассмотрены возможности археолого-этнографического изучения территорий, которые можно назвать контактными зонами различных этносов, живших в XVII–XVIII вв., и последующей ретроспекции полученных результатов для выявления и последующего анализа контактных зон средневековья и более ранних эпох. Изучая записки Г.Ф. Миллера, которые он вел во время путешествия по Сибири в 1734–1741 гг. [1], я обратил внимание на то, что в нескольких случаях он фактически описал территории, на которых осуществлялись контакты между сибирскими аборигенами. Первая контактная территория татар и остяков – район их совместного проживания – зафиксирована ученым в долине Оби ниже д. Кривошеино [1. С. 177–178], расположенной на левом берегу Оби в устье р. Бровка (р. Провская, в татарской огласовке – Buraning-aigese). Сейчас это Кривошеинский район Томской области.

Вторая контактная территория находится на границах современных Каргасокского района Томской области, Кыштовского и Северного районов Новосибирской области, Тарского и Седельниковского районов Омской области [1. С. 197]. Это территория южнотаежная, пронизанная истоками рек, правых притоков Иртыша и левых – Оби, сильно заболоченная; здесь контактировали охотники, ведущие промысел в верховьях Васюгана (приток Оби), рек Уй и Шиш (притоки Иртыша) и в самой северной части Барабы, т.е. на водораздельных болотах.

Границей двух групп остяков, говорящих на «нарымском» и «сургутском» языках, являлась р. Тым. Здесь же проходила граница Нарымского и Сургутского уездов [1. С. 199]. К югу от Тыма название остяцких юрт имело наращение -jêt-êt

(Üdschüpsin-êt, Karganaki-êt, Kasil-êt) а к северу – -bugl/pugl (Séago-bugl, Lunki-bugl, Pög-bugl). Разные наращения имели и гидронимы у этих групп населения: -sês или -jogon. На реку Lóckai-jógon, что впадает в Тым в 10 верстах ниже его устья, с севера приходили на летнюю рыбалку остяки Лумпокольской волости Сургутского уезда. По особенностям топонимов можно провести еще одну границу обитания групп населения. В Карымкарах (Karin-uasch-pugl) и к югу от них деревни называли -pugl. В 18 верстах к северу от Карымкар в начинавшейся Малой Атлымской волости деревни называли -kurt (Líusch-kurt, Togol-kurt, Rod-kurt). Интересно, что в версте к северу от Карымкарских юрт в устье реки Карымкарка (Káring-jäga), находилось городище, защищавшее остяков от врагов. Чуть выше Малого Атлыма (Loltem-kurt) тоже было городище (Старое Атлымское городище – Lolmen-uasch), служившее защитой от татар и самоедов [1. С. 225–226].

Рассмотренные выше контактные зоны были расположены на Оби. Еще одна находится на Иртыше между деревнями Стерхова и Есауловыми юртами (Paibult-aul). Большая часть этой территории находится в современном Уватском районе Тюменской области. Здесь соприкасались разные по культуре, религии и верованиям, хозяйству этносы – русские, татары и ханты [1. С. 271–277]. Вероятно, есть и другие территории, где осуществлялись контакты населения, но пока они не попали в поле нашего зрения, поэтому географический разброс великоват. Полагаю, что лакуны будут заполняться по мере исследований. Предварительные результаты исследований опубликованы [2].

На этом закончим описание контактных зон, отметив, что они выделены на материалах узкого хронологического диапазона. Полагаю, что их

возможные археологические признаки следующие: наличие городищ, маркирующих границы, пустых пространств и местностей с «гибридными» материалами. Могут быть и другие ситуации. Например, стоит рассмотреть территории с малой концентрацией археологических памятников, или памятники с мощным культурным слоем и разнородными материалами. Возможно, что границы расселения народов проходили по рекам, имеются в виду прежде всего притоки крупных сибирских рек. В истории такие примеры известны: границы Римской империи проходили по Рейну и Дунаю.

Конечно, выявление и нанесение на карту нескольких контактных зон – только первый шаг. Для дальнейших исследований необходимо расширить работы, и возможна следующая последовательность действий:

- более полное рассмотрение данных, где письменно или на картах детально зафиксирована система расселения аборигенов и русских Западной Сибири. Здесь я имею в виду прежде всего записи Николая Спафария [3], ездившего в 1675–1678 гг. в Китай и отметившего все населенные пункты на Иртыше и Оби, встреченные им. Далее необходимо эти данные сопоставить с чертежами С.У. Ремезова конца XVII – начала XVIII в. [4–6] и с данными Г.Ф. Миллера первой трети XVIII в. [1]. То есть хронологический срез невелик – около 60–70 лет. По археологическим меркам это почти одновременные памятники;

- при рассмотрении контактных зон аборигенов необходимо иметь в виду, что к приходу русских у них была сложившаяся система расселения с промысловыми и сакральными территориями, летними и зимними местами проживания, а также районами, где они контактировали. Отметим активность татар при продвижении в северном направлении как по Иртышу, так и по Оби и на севере Барабы в виде военных походов и переселения их отдельных групп. Пришедшие в Западную Сибирь русские вписались, будем считать, что органично, в эту систему расселения (и связанные с ней системы землепользования и природопользования). После их прихода появились новые пункты, где взаимодействия народов шли наиболее интенсивно. К ним можно отнести административные центры, пункты сдачи ясака или ведения торговли;

- контактные зоны целесообразно проследить на территориях с разными природно-географическими зонами. Для этого выбраны Среднее Прииртышье от устья Оми до устья Ишима

(лесостепь и южная тайга), Нижнее Прииртышье от устья Тобола до устья Иртыша, Среднее Приобье от устья Чулыма до Сургута (таежная зона), горные и предгорные таежные районы Верхнего и отчасти Среднего Притомья от Кузнецка до устья левого притока Томи – реки Мунгат, где Томь выходит на увало-положительные территории.

Этот раздел работ относительно легко может быть выполнен при анализе указанных источников с использованием современных топографических основ («километровки» или «двушки» для точной локализации населенных пунктов и карты масштабом 1:5 000 000 или 1:10 000 000 для обобщения данных), Internet-сервисов Яндекс-карты, GoogleEarth, Wikimapia, Panoramio или им подобных.

Другая часть работы касается археологического изучения выявленных контактных зон и определения археологических признаков этих территорий. Это предполагает проведение разведок и раскопок. Но, к сожалению, в этом случае усилий одного человека может хватить на разведки, но не на масштабные раскопки, поскольку они требуют длительного времени. В этом случае большую, если не решающую роль могут сыграть музеи и хранящиеся в них материалы. Поскольку мы перешли к археологической составляющей исследования, то рассмотрим некоторые особенности находящихся там материалов.

Во-первых, коллекции и полевые документы, относящиеся к одному памятнику или району, могут быть распределены по разным музеям. Например, В.И. Матюшенко в 1961 и 1962 гг. изучал памятники в Большереченском и Тарском районах Омской области, когда нашел такие первоклассные памятники, как Мурлинка и Красноозерка. Одна часть материалов (коллекции, полевая документация и полевые отчеты) поступила на хранение в Музей археологии и этнографии Томского государственного университета (МАЭС ТГУ), другая (полевые документы, описи, коллекции) отложилась в Музее Омского государственного педагогического университета, третья – в Музее археологии и этнографии Алтайского государственного университета в Барнауле. По нескольким музеям (Томский областной краеведческий музей, МАЭС ТГУ и Музей археологии и этнографии Омского государственного университета) распределены материалы комплекса памятников у д. Еловка, что в Кожевниковском районе Томской области. Можно вспомнить о коллекциях Искера, храня-

щихся в Хельсинки, Тобольске, Томске. Есть и другие примеры.

Во-вторых, полученные исследователем материалы могут быть введены в научный оборот частично. Думаю, связано это с тем, что археолог интенсивно работал с ними, готовя полевой отчет, который необходимо было отправить в Отдел полевых исследований в Институт археологии до 1 мая текущего года. Поскольку в новом году появлялись новые материалы, то археолог не всегда возвращался к изучению ранее накопанных материалов. Так, часть керамики Еловского поселения из раскопок В.И. Матющенко 1982 г. так и лежит в пакетах. То же скажу и о керамике поселения Крохалевка I, которую копал И.Г. Глушков в этом же году. Есть основания считать, что не введены в научный оборот все материалы раскопок новостроечных экспедиций или экспедиций, работавших в зоне затопления ГЭС. Так, материалы поселения Ирмень I, которое копал М.П. Грязнов, до сих пор не стали достоянием научной общественности, и об эпонимном памятнике мы судим не по обобщающей публикации автора раскопок, а небольшой работе Н.Л. Членовой [7]. Не появились в научной печати сведения о раскопках городища Пор-Бажин в Туве, проведенные широкомасштабно под патронажем С.К. Шойгу. Не исключено, что не введенные в научный оборот материалы многих археологических памятников могут изменить представления о памятнике. Так, Б.А. Коников считает, что в комплексах омской стоянки есть материалы древнее неолита, что в публикациях других исследователей о ней совершенно не отражено.

В-третьих, в музеях могут храниться вещи, абсолютно неизвестные ученым. Так, в Омском государственном историко-краеведческом музее хранится костяной вкладышевый кинжал, найденный еще в 1987 г. близ д. Сеткуловка Муромцевского района Омской области. Кость фоссилизирована, вкладыши не сохранились, а сам кинжал похож на черноозерский. Я обратил на него внимание случайно, когда шел на заседание ученого совета этого музея. Это второй найденный в равнинной части Западной Сибири вкладышевый кинжал за все годы ее исследования. Вспомним и о комплексе материалов Томской стоянки, которая более 40 лет лежала в МАЭС ТГУ, но только в начале 1960-х гг. была атрибутирована В.И. Матющенко.

Мораль вышеприведенного сюжета в том, что в музеях накопилось столько материалов, что в их фондах впрямую проводить научные раскопки, и они

могут быть не менее результативны, нежели полевые. Очевидно, что каталогизация и публикация музейных материалов будут явно не лишними. Но приходится мириться с суровыми реалиями и признать, что ресурсы для этого у музеев мизерные. Может быть, это связано с отношением к музеям в целом? Например, Александрийскому музею покровительствовали цари династии Птолемеев. Покровителем Тобольского губернского музея был наследник престола, а затем русский император Николай II, Западно-Сибирскому отделу Императорского Русского географического общества в целом и соответственно его музею покровительствовал генерал-губернатор. Конечно, крупнейшие музеи – Эрмитаж, Кунсткамера, Русский музей, Государственный исторический музей – не остаются без внимания властей. Однако это не относится к большинству музеев России.

Но вернемся к контактным зонам и изучению их археологии. Оно может быть двояким:

– обследование в поле выделенных по письменным, картографическим, возможно, и этнографическим источникам контактных зон. В этом случае необходимо проанализировать их особенные черты: наличие или отсутствие городищ на границах территорий, их протяженность, плотность населения в этой местности, связь этнических, хозяйственных, конфессиональных и прочих границ с природными рубежами (допустим, водными артериями), наконец, характер получаемых с этих территорий данных – этнически «чистые» или «гибридные». Для этого нужны серьезные целенаправленные этнографические (или историко-этнографические исследования). Затем должен следовать этап археологического обследования местности: выявление и обследование описанных в XVIII в. комплексов, картографирование найденных объектов, пространственный анализ территорий. Далее логичен переход к раскопкам;

– выявление контактных зон (как вариант – выделение памятников, содержащих разнохарактерные материалы) по материалам археологических карт Кемеровской [8], Новосибирской [9], Томской [10, 11], Тюменской [12] областей и последующее изучение этих материалов в собрании музеев.

Приведу следующие примеры возможности существования контактных зон в древности. Одна из них, и об этом уже говорили специалисты по раннебронзовому времени, может быть в низовьях Томи близ д. Самусь. Речь идет о комплексах с отступающе-накольчатой и гребенчато-ямочной керамикой. Вторая контактная зона может

находиться на р. Тара в Муромцевском районе Омской области и Кыштовском районе Новосибирской области, где имеются ирменские и сузгунские материалы. Можно обратить внимание на памятники Надеждинка IV/V, Бергамак 24 на Таре и Алексеевка I на Иртыше, где совместно залегает керамика этих двух типов. А результат этих контактов – красноозерская археологическая культура [13].

После этого можно полагать, что выводы по изучению контактных территорий будут иметь высокую степень достоверности. Далее логично переходить к следующей процедуре – экстраполяции полученных результатов на более ранние эпохи и обоснование возможности этой процедуры, потом о корректности ее проведения и достоверности и верификации результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сибирь XVIII века* в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. История Сибири. Первоисточники. Вып. 6. Новосибирск, 1996. 312 с.
2. Тихонов С.С. Контактные зоны и промысловые территории населения Нижнего Прииртышья (на примере материалов Г.Ф. Миллера 1740 года) // Человек и Север. Антропология, археология, экология. Вып. 2. Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2012. С. 291–293.
3. Николай Спафарий. Путешествие в Китай. М.: Директ-Медиа, 2010. 375 с.
4. Ремезов С.У. Служебная чертежная книга. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2006. Т. 1, 2.
5. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2007. Т. 1, 2.
6. Ремезов С.У. Хорографическая книга Сибири. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2011. Т. 1, 2.
7. Членов Н.Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // Советская археология. Вып. 23. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1955. С. 38–57.
8. Кулемзин А.М., Бородин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области: Материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. Вып. 1. Кемерово: Кемер. кн. изд-во. 1989. 160 с.
9. Молодин В.И., Бородинский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области: Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Вып. 2. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1996. 192 с.
10. Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Т. 1. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1990. 340 с.
11. Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Т. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1993. 208 с.
12. Археологическое наследие Тюменской области. Памятники лесостепи и подтаежной полосы. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1995. 240 с.
13. Шерстобитова О.С. Связи с современными территориями культур эпохи поздней бронзы и переходного времени Среднего Прииртышья // Человек и Север. Антропология, археология, экология. Вып. 2. Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2012. С. 184–186.